

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ¹

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

УДК 17:930(2)
ББК 87.3(2)522-685

Борис Вадимович Межуев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории русской философии, Россия, Москва, e-mail: borismezhuev@yandex.ru

Первое издание «Оправдание добра» (1897 г.): отклики современников. Часть первая

Аннотация. Статья представляет собой первую в историографии попытку систематического рассмотрения и анализа всех газетных и журнальных откликов на первое издание основного труда Вл. Соловьёва по нравственной философии «Оправдание добра» (1897 г.). В первой части статьи подобное изложение получают положительные отзывы на книгу, которые представили или организовали близкие друзья философа, вероятно, по его личной просьбе. Анализ откликов позволяет сделать вывод, что «Оправдание добра» было встречено отечественной читательской аудиторией в целом неблагоприятно. Причина этого состояла в проблематичности причисления философа к тому или иному лагерю отечественной мысли: нравственная метафизика Вл. Соловьёва и особенно его социально-политические воззрения одинаково не удовлетворяли ни либералов, ни консерваторов, ни тем более представителей лево-радикальных течений общественной мысли. Отмечено, что среди ближайших друзей философа, выступивших с положительными рецензиями на его трактат, лишь Э.Л. Радлов полностью принимал философскую концепцию «Оправдания добра» и был готов поддержать Вл. Соловьёва в его полемике с этическими воззрениями Л.Н. Толстого. Между тем рассмотрение именно положительных откликов на «Оправдание добра» имеет существенное значение еще и потому, что их авторы могли интерпретировать отдельные наиболее сложные для понимания положения трактата, опираясь на разъяснения самого философа. Делается предположение, что, готовя к выходу в свет свое новое философское сочинение, Вл. Соловьёв рассчитывал на то, что первые сочувственные отклики будут способствовать правильному восприятию его нравственной философии в русском обществе.

Ключевые слова: моральная философия, автономия морали, политическая философия, теория справедливой войны, всемирная монархия

¹ Публикуются статьи, подготовленные на основе докладов, представленных на Международной научной конференции «Несобранный и неизданный Соловьёв: проблемы публикации и интерпретации наследия Вл.С. Соловьёва», 29–30 сентября 2021 г., Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, г. Иваново, Россия.

Boris Vadimovich Mezhuev

Lomonosov Moscow State University, PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of History of Russian Philosophy of the Faculty of Philosophy, Russia, Moscow, e-mail: borismezhuev@yandex.ru

The First Edition of "The Justification of Good" (1897): the Responses by Contemporaries. Part One

Annotation. This article presents the first historiographical attempt to examine and analyze systematically all the newspaper and journal responses to the first edition of the basic treatise on the moral philosophy by V.I. Soloviev – *The Justification of Good* (1897). The first part of the article examines the positive reviews of the book that were submitted or published by the closest friends of the philosopher, supposedly, at his personal request. The analysis of the responses allows us to conclude that *The Justification of Good* was generally received by the Russian readership unfavorably. The reason for this was a problem of assigning the philosopher to one or another camp of Russian thought. V.I. Soloviev's moral metaphysics and especially his socio-political views did not satisfy either liberals or conservatives, much less representatives of the radical left movements in social thought. The article notes that among the closest friends of V.I. Soloviev who gave a positive review of this treatise only E.L. Radlov was ready to accept the philosophical conception contained in *The Justification of Good* and support Soloviev in his polemic with the ethical views of Leo Tolstoy. Additionally, an examination of the positive reviews of *The Justification of the Good* is also important, because their authors as Soloviev's friends could interpret some of the most difficult theses of the book based on the explanation given by the philosopher himself. It is possible to suppose that in preparing to publish his new philosophical work V.I. Soloviev expected that the first sympathetic reviews would contribute to a correct perception of his moral philosophy in Russian society.

Key words: moral philosophy, the autonomy of ethics, conservatism, political philosophy, the theory of the just war, global monarchy

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.1.006-025

Отдельное издание «Оправдания добра» Вл. Соловьева, подготовленное автором в декабре 1896 года, вышло в свет в типографии М.М. Стасюлевича в самом начале 1897 года². Как можно предположить на основании письма одно-

² В декабре 1896 года, находясь в Выборге, Вл. Соловьев писал А.А. Луговому: «Остаюсь здесь еще некоторое время, чтобы окончить книжку по философии уголовного права в дополнение к большой моей книге, которая с моей стороны была готова уже к Рождеству, и теперь время ее появления зависит от меры пьянственных увлечений типографского пролетариата. Думаю, что к 20-му января во всяком случае появится – цензурных задержек не предвидится». Письмо было опубликовано во втором томе писем Вл. Соловьева с неопределенной датировкой – 1896 (см.: Соловьев В.С. Письма к А.А. Луговому // Письма Владимира Сергеевича Соловьева / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 2. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1909. С. 307 [1]). Между тем в подлиннике письма, хранящемся в архиве А.А. Лугового в ИРЛИ, сверху стоит точное указание места и времени его написания – «Выборг, 31 Дек. 96» (см.: Письма Вл. Соловьеву А.А. Луговому // ИРЛИ. Ф. 367 (А.А. Лугового). Ед. Хр. 7317 (1). Л. 22 [2]).

го из постоянных корреспондентов автора, журналиста С.Н. Сыромятникова, это произошло 24 января 1897 года³.

Нельзя сказать, что возвращение Вл. Соловьева к систематическим занятиям философией и его новый труд заслужили единодушное одобрение его близких друзей и политических единомышленников. На «Оправдание добра» по выходу этого произведения в 1897 году публично не отреагировали ни единым словом ни Л.М. Лопатин, ни кн. С.Н. Трубецкой. Из всего кружка московских идеалистов на труд по нравственной философии Вл. Соловьева отозвался только Н.Я. Грот, но даже его предельно короткая рецензия, содержащая много высоких слов о философии и его новой книге, не была лишена довольно чувствительных для автора «Оправдания добра» критических замечаний. «Вестник Европы», самое близкое в тот момент в политическом отношении для Вл. Соловьева издание, ограничился крошечным сообщением о книге в Библиографическом листке февральского номера журнала⁴, лишенным каких-либо оценочных суждений. Ни один из сотрудников или постоянных авторов издания не выразил публично своего отношения к новому капитальному труду соратника и коллеги.

В письме к своему французскому коллеге Евг. Тавернье от 14 мая 1897 года Вл. Соловьев признавался, что «Оправдание добра» навлекло на него «в русской прессе величайшую ругань и величайшие похвалы», какие он «когда-либо слышал»⁵. Философ добавлял: «Чтобы быть справедливым, я должен сказать, что похвалы исходили от писателей, специалистов по философии, чего нельзя сказать о других» [4, с. 223]. Говоря о хваливших его труд «специалистах», Вл. Соловьев, вероятно, имел в виду того же Грота и, в первую очередь, Э.Л. Радлова, действительно искреннего почитателя нравственной философии Вл. Соловьева, считавшего «Оправдание добра» лучшей из его теоретических работ. Возможно, Вл. Соловьев мог причислить к «специалистам по философии» и автора цикла статей «Философия русского самосознания» писателя и публициста Н.А. Эн-

³ В письме Вл. Соловьеву от 24 января 1897 года С.Н. Сыромятников сообщал Вл. Соловьеву: «Я узнал, дорогой Владимир Сергеевич, что сегодня выходит Ваша книга» (см.: Письма С.Н. Сыромятникова Вл. С. Соловьеву // РНБ. Ф. 715. Ед. хр. 75. Цит. по: «Если будете перепечатывать письма Вл. Сер. Соловьева...» (Вл. Соловьев. С.Н. Сыромятников, Э.Л. Радлов, Ю.Н. Данзас и др.) / публ., вступ. ст. и коммент. Е.А. Тахо-Годи // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. М., Наука, 2005. С. 473 [3]).

⁴ Журнал сообщал только то, что «с некоторыми из глав этого обширного труда наши читатели знакомы по извлечениям, которые помещались в журнале в последние два–три года, а потому им может быть известна и основная точка зрения автора, на которой он стоит в вопросах, входящих в круг нравственной философии и решение которых составляет ее основную задачу». В завершении этой заметки говорилось, что «главной задачей труда» является примирение различных «крайностей» в области практической философии «или, вернее, определение доли правды каждой из них в различных сферах умственной и нравственной жизни как отдельного человека, так и целого общества» (см.: Библиографический листок // Вестник Европы. 1897. № 2 (2-й форзац обложки)).

⁵ См.: Соловьев В.С. Письма к Евг. Тавернье // Письма Владимира Сергеевича Соловьева / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 4. Пб.: Время, 1923. С. 223 [4].

гельгардта, давшего положительный отклик на труд Вл. Соловьева в газете «Неделя». В целом высокую оценку книги дал в журнале *Cosmopolis* поэт и публицист, переводчик Шопенгауэра Н.М. Соколов, но эта статья, в силу наличия в ней серьезных критических замечаний, едва ли могла быть причислена к «высочайшим похвалам». Между тем общее отношение философского цеха к новому труду Вл. Соловьева было как минимум неоднозначным. Помимо рецензии Грота, в «Вопросах философии и психологии» появилось только два полноценных, но остро критических разбора «Оправдания добра» (далее – ОД), написанных Г.Ф. Шершеневичем и Б.Н. Чичериным, на которые Вл. Соловьеву была дана возможность ответить на страницах того же выпуска издания. В то же время книга подверглась нелицеприятному разбору профессором философии Московской духовной академии А.И. Введенским (*Meditator*) на страницах «Московских ведомостей» и философствующим публицистом Е.А. Соловьевым (Скрибой) в «Новостях и биржевой газете». Позднее с критикой нравственной философии Вл. Соловьева выступила «Русская мысль» (анонимный рецензент, по-видимому редактор журнала В.А. Гольцев) и «Русское богатство» (обозреватель философской литературы П.В. Мокиевский). Так что в целом сочувственной реакции философского цеха Вл. Соловьев не встретил. ОД удостоилось публичных похвал только личных друзей Вл. Соловьева, из которых только Э.Л. Радлов принял книгу с полным и искренним восторгом.

Что касается газетных отзывов, то они преимущественно носили отрицательный характер, причем нападки на книгу шли из всех лагерей общественной мысли России – консерваторы не уступали в негативных суждениях либералам и народникам. Чтобы понять причину того, почему новый труд Вл. Соловьева получил столь недружественный прием в обществе, следует принять во внимание, что к этому времени широкая читательская аудитория смотрела на него уже не как на академического философа, но как на публициста с боевым общественным темпераментом. Все философские идеи Вл. Соловьева публика воспринимала как своего рода прием для утверждения тех или иных его политических или церковных воззрений. От проповедника теократии и воссоединения церквей ждали не отвлеченных умствований, но внятного политического самоопределения. Печать, возможно, и простила бы Вл. Соловьеву сложные теоретические рассуждения и даже экстравагантные воззрения, если бы понимала, какие следуют из них политические выводы. Но именно этих выводов Вл. Соловьев своим новым сочинением сделать и не позволял. Более того, читателям трудно было уловить из содержания книги общий взгляд философа на государственное и церковное устройство. Большая часть отвечавшей отчасти на этот вопрос статьи «Значение государства»⁶, которая явно рассматривалась Вл. Со-

⁶ Соловьев В.С. Значение государства // Вестник Европы. 1895. № 12. С. 803–814 [5]. См. об этом более подробнее: Межуев Б.В. «Значение государства» – византийская идея на страницах либерального журнала // Соловьевские исследования. 2020. Вып. 3(67). С. 10–25 [6].

ловьевым в качестве одной из глав будущей книги по нравственной философии, в состав ОД не вошла, равно как и продолжение того же цикла под названием «Византизм и Россия», в котором Вл. Соловьев попытался вновь сформулировать свою теократическую доктрину. На вопрос А.А. Киреева о том, следует ли из мыслей, высказанных в этих не вошедших в книгу статьях, необходимость унии русского православия с Римом, Вл. Соловьев в письме в «Новое время» 14 мая 1897 года ответил отрицательно, однако подробно изложить свои новые взгляды на объединение церковью философ в последующем письме в ту же газету отказался⁷.

В книгу вошли одновременно и введение «Нравственная философия как самостоятельная наука», где утверждалась автономия этики от религии, и статья «Религиозное начало нравственности», в которой высказывалась мысль о сущностной зависимости основных этических постулатов от факта религиозной осмысленности мира, то есть от того, что в тексте было названо «естественной религией». Хотя в отклике Н.А. Энгельгардта в целом давалось довольно внятное разъяснение этого парадокса (предположительно со слов самого автора), широкий читатель, не имевший привычки узнавать смысл текста из газетных рецензий, должен был пребывать в недоумении – с каким лагерем общественной мысли на Западе хочет связать себя философ – с секулярным или клерикальным. Вл. Соловьев непроясненностью своей позиции по вопросу об автономии добра позволял отнести себя как к тому, так и к другому направлению, вызывая тем самым раздражение и консервативной, и либеральной прессы. Этим противоречием парадоксальность философа не исчерпывалась. Вл. Соловьев осуждал национализм и оправдывал войну, он протестовал против смертной казни, но одобрял сам принцип наказания в полемике со сторонниками Льва Толстого, он критиковал социализм и в то же время требовал подчинения права нравственности, вменяя государству в обязанность справедливое разрешение социального вопроса. В итоге он оказывался чужим для всех лагерей русской политической мысли.

Вдобавок ко всему он рассыпал в своей книге множество намеков на возможность установления некоей «материальной связи» с предшествующими поколениями за счет, в том числе, аскетического преобразования полового чувства, и эту загадочную «связь» он обещал впоследствии разъяснить в своей «мистической эстетике». Все это в совокупности, конечно, делало труд по нравственной философии крайне уязвимым для пристрастной критики. Впрочем, та же самая непроясненность основных тезисов не помешала в свое время шумному, хотя и отчасти скандальному успеху его юношеской магистерской

⁷ См.: Соловьев В.С. Письмо в редакцию // Новое время. 1897. 18(30) мая, № 7622. С. 3 [7]. См. об этом подробнее: Медоваров М.В. Poleмика Владимира Соловьева и Александра Киреева о соединении церковью в 1897 году: хронология, контекст, источники // Соловьёвские исследования. 2021. Вып. 3(71). С. 22–63 [8].

диссертации «Кризис западной философии». Но в тот момент пафос молодого философа совпадал с настроениями общества, по крайней мере той его части, что ожидала выхода России на сцену мировой истории в качестве вождя и освободительницы славянства. Публика понимала с полуслова, о чем на самом деле хочет сказать философ. А в 1897 году настроения в обществе были уже совсем иными – панславистские мечтания на время угасли, в моду стали входить Маркс и Ницше – мыслители, с творчеством которых Вл. Соловьев был к моменту выхода первого издания ОД недостаточно знаком для ведения с ними серьезной и обстоятельной полемики. Так что критика, временами несправедливая и пристрастная, нередко выявляла реально слабые места нравственной философии «Оправдания добра», обусловленные отчасти цензурными ограничениями, отчасти неготовностью Вл. Соловьева прямо обозначить свои новые общественно-церковные и мистико-религиозные убеждения, но в том числе, видимо, и наличием глубинных противоречий во взглядах мыслителя, а также его неосведомленностью в некоторых аспектах правовой и особенно экономической проблематики.

Попытаемся рассмотреть последовательно основные отклики на первое издание «Оправдания добра».

Дружественные отклики:

Н.Я. Грот, Н.А. Энгельгардт, Э.Л. Радлов, Н.М. Соколов

Самые первые печатные отклики на книгу принадлежали друзьям философа, и эти отклики были вполне благожелательными. Наиболее твердый единомышленник Вл. Соловьева в среде московских идеалистов Н.Я. Грот, к тому времени уже оставивший должность редактора/издателя журнала «Вопросы философии и психологии», поместил свою относительно небольшую рецензию на «Оправдание добра» в январско-февральском выпуске данного издания⁸. Грот выразил уверенность в том, что вышедшая книга «составит эпоху в истории развития русской философии» как первый в отечественной литературе «опыт систематического и совершенно самостоятельного рассмотрения основных начал нравственной философии». По словам Грота, концепция нравственной философии Вл. Соловьева может считаться «первой этической системой русского мыслителя». Впрочем, автор рецензии не претендовал на всесторонний разбор этой системы в данном тексте, представлявшем, по его словам, лишь «краткую библиографическую заметку». Обещав появление в будущем на страницах «Вопросов философии и психологии» полноценного анализа содержания книги, Грот ограничился лишь максимально кратким его описанием, коснувшись преимущественно теоретических глав ОД и

⁸ См.: Грот Н.Я. <Владимир Соловьев. Оправдание добра. Нравственная философия. СПб., 1897. (XXXI+681). Ц. 4 р.> – Обзор книг – Критика и библиография // ВФП. 1897. Кн. 1 (36), январь-февраль. С. 155–160 [9].

лишь мимоходом затронув вопросы практической этики. Грот, тем не менее, оказался в числе тех критиков Вл. Соловьёва, кто упрекал автора «Оправдания добра» за дилетантизм в области экономических проблем и недопустимое для нравственного философа «оправдание войны»⁹. Грот сожалел, что Соловьёв решился включить в состав книги в качестве одной из глав свою известную статью «Смысл войны». По мнению основателя «Вопросов философии и психологии» и, отметим, близкого друга Л.Н. Толстого, к общественной морали следует применять те же нормы, что и к морали личной, в которой запрет на убийство не подвергается сомнению¹⁰.

В одном из подстрочных примечаний к рецензии Грот затрагивал тему названия работы¹¹. Рецензент задавался вопросом, зачем Вл. Соловьёв на протяжении своей книги пишет слово Добро с заглавной буквы (тогда как в названии – «Оправдание добра» – оно фигурирует с маленькой). По мнению рецензента, это «портит эстетическое впечатление, производимое книгой». Сам Грот, как следует из его замечания, предпочел бы видеть вместе с эпитетами «совершенный», «безусловный» более привычный термин «благо». Ссылаясь на заглавие книги, Грот указывал на то, что автор сочинения собирается «оправдывать добро (с малой буквой)», поскольку «оправдание Добра (с большой буквой) было бы *теодицеей*, а не *этикой*»¹². В последних строках своей рецензии Грот, предрекая книге «нашего первенствующего русского философа» неизбежный успех, выражал пожелание впоследствии увидеть ее «в другом, менее роскошном, но зато более доступном по цене издании»¹³.

9 февраля на столбцах газеты «Неделя», с издателем которой В.П. Гайдебуровым Вл. Соловьёв тесно сблизился в 1896 году, вышла первая часть большой статьи писателя и публициста Н.А. Энгельгардта «Проповедь отрезвления», посвященная новому труду Вл. Соловьёва¹⁴. Энгельгардт рассматривал «Оправдание добра» как логическое завершение большой «подготовительной работы» определенного течения «русской философской мысли, которая шла

⁹ См.: Грот Н.Я. <Владимир Соловьёв. Оправдание добра. Нравственная философия>. С. 159.

¹⁰ Грот подчеркивал, что «нельзя применять к общественной морали других общих норм, чем к морали личной: все обязательное в сфере этой последней также обязательно и в первой (хотя нельзя, конечно, обратить это положение, так как область социальных отношений сложнее и ставит новые высшие, требования)». По мнению рецензента, «сознание истинности» этой «теоремы (а может быть, даже аксиомы?) внесло бы много света в общественную мораль».

¹¹ См.: Грот Н.Я. <Владимир Соловьёв. Оправдание добра. Нравственная философия>. С. 157.

¹² Можно предположить, что, по всей видимости, согласованная с самим Вл. Соловьёвым рецензия Грота, содержащая это несколько выбивающееся из общей тональности текста критическое примечание, должна была заранее объяснить читателям, что «оправдание добра» не следует толковать как «оправдание Бога».

¹³ См.: Грот Н.Я. <Владимир Соловьёв. Оправдание добра. Нравственная философия>. С. 160.

¹⁴ См.: Энгельгардт Н.А. Проповедь отрезвления (Оправдание добра. Нравственная философия Владимира Соловьёва. СПб., 1897) // Неделя. 1897. № 6. 9-е февраля. Ст. 182–185 [10].

все прошлое царствование»¹⁵. Это течение критик характеризовал как «духовный, спиритуалистический либерализм», в противоположность утилитарному либерализму, характерному для 1860-х годов¹⁶. Выводя данное направление из «проповеди Достоевского», Энгельгардт причислял к нему как Вл. Соловьева, так и Л.Н. Толстого с его призывом к целомудрию и воздержанию от алкоголя. Считая последнюю проповедь особенно актуальной для «развратной» Москвы, Энгельгардт усматривал в соловьевской борьбе за восстановление прав личности мотив, характерный именно для неофициозного Петербурга, настроенного против столичного карьеризма и властолюбия.

Отметим, что в начале 1897 года, с января по апрель, на страницах, издаваемых тем же В.П. Гайдебуровым «Книжек Недели» Н.А. Энгельгардт публиковал цикл своих статей «Философия русского самосознания». В мартовском выпуске «Книжек Недели» критик кратко описал то течение мысли, к которому он, наряду с Ф.М. Достоевским, относил также и Вл. Соловьева¹⁷. Генеалогию этого течения Энгельгардт возводил к «московскому западничеству» 1830–40-х годов, которое, в отличие от утилитарного и материалистического «западничества петербургского», искало идеального, «синтетического» равновесия между интересами личности и общества¹⁸. Отодвинутое на второй план «утилитаризмом» шестидесятых «московское западничество», по словам автора «Книжек Недели», «внезапно воскресает после 1881 года ... <...> последнее пятнадцатилетие воплощается в том нравственно-философском движении, которое не имеет ничего общего ни с наследниками «официальной народности», ни с гражданским либерализмом, ни с славянофилами, хотя в основу свою и полагает сознательный или инстинктивный синтез двух последних направлений»¹⁹. Из последующего изложения становится ясным, что речь идет о Достоевском с его пафосом «абсолютного достоинства личности» и о Владимире Соловьеве, «возведшем принципы Достоевского в стройную систему философских начал»²⁰. В своем тексте Н.А. Энгельгардт пытался доказать, что именно Вл. Соловьев является полноправным наследником либерального западничества 1840-х годов, одним из выдающихся представителей которого был его отец – историк С.М. Соловьев. Критик, возможно следуя рекомендациям самого философа, но, скорее всего, подкрепляя его претензию на идейную преем-

¹⁵ См.: Энгельгардт Н.А. Проповедь отрезвления. Ст. 185.

¹⁶ Там же. Ст. 184.

¹⁷ В своих воспоминаниях Н.А. Энгельгардт называет это течение «нео-христианским». «Для меня, – пишет он, – нео-христианство соединялось с народничеством, Ясная Поляна с Батищевым» (см.: Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни. (Воспоминания) / публ. С.В. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. Т. 24. СПб.: Изд-во «Феникс», 1998. С. 10 [11]).

¹⁸ См.: Энгельгардт Н.А. Философия русского самосознания // Книжки Недели. 1897. № 3. Март. С. 263 [12].

¹⁹ Там же. С. 263.

²⁰ Там же. С. 272.

ственность с гегельянцами 1840-х годов собственными аргументами, пытался соотнести государственническую концепцию русской истории, легшую в основу «Истории России с древнейших времен», с нравственной философией «Оправдания добра». Движение «от рода к отечеству» было осмыслено Энгельгардтом в контексте категорий «Оправдания добра» как победа «общественного альтруизма» над семейно-родовым эгоизмом. «Борьба с родовым началом», по словам критика, «есть вместе с тем и процесс рождения самого народа русского, есть борьба с древним исконным стремлением индивидуума породить из себя народ и покрыть землю своим потомством, истребив всех людей чужого рода. <...> Надо поэтому признать, что государство воспитывало русских людей и из животных делало их людьми»²¹.

Во второй части статьи «Проповедь отрезвления» Н.А. Энгельгардт, в тот момент тяготевший к либеральной ветви русского народничества, близкой толстовству, связывал прогнозируемый им резонанс в обществе от книги Вл. Соловьева с пробуждением интереса к нравственным вопросам в русском обществе. Используя идеи Вл. Соловьева для продолжения полемики с ницшеанством и декадентством, которую он сам в течение 1896 года активно вел в «Книжках Недели», Энгельгардт писал: «Но и теперь, я знаю, в нашем обществе достаточно найдется людей, которые, посмеиваясь над “наивностью” нашего философа, перелистают книгу и только пожмут плечами. Это наши “эстетты” и “ницшеане”, последователи “вакхической морали”»²².

Любопытно, что, критикуя людей, желающих основать нравственность исключительно на требованиях индивидуальной совести, Энгельгардт ссылается на тот же самый образ поклонения «дыре», к которому позднее, три года спустя, в предисловии к «Трем разговорам» обратится и Вл. Соловьев: «Итак, не основать ли наши идеалы на нравственной совести? Но нравственный идеал, основанный на моей совести, только для меня и обязателен, так же как и мой ограниченный разум возведет на бесконечно малом в океане человечества островке моей совести не храм, а лишь крошечную молельню»²³. Конечно, есть

²¹ См.: Энгельгардт Н.А. Философия русского самосознания. С. 274.

²² См.: Энгельгардт Н.А. Проповедь отрезвления. Ст. 214.

²³ Вполне вероятно, что данный пассаж представляет собой скрытый выпад против самого Вл. Соловьева, который, по мнению критика «Недели», был готов предпочесть народным представлениям о Боге свою личную веру, «свою крошечную молельню». Для обоснования этого утверждения приведем один, возможно, имеющий отношение к полемике с «вертидырниками» фрагмент из воспоминаний Н.А. Энгельгардта: «Лишенный кафедры опальный профессор-философ пользовался дружбой и уважением наиболее просвещенных сановников; его слушали. Ему казалось, что так может он влиять на политику страны. Любил он и великолепные богослужения Исаакиевского собора. Он даже открыл, где в этом соборе, выражающем в своей архитектуре только идею всеподавляющего могущества, приютилась столь гонимая Синодом, прокуратурой и монахами, и попами казенного православия – мистика. В самом низу собора, над фундаментом есть ниши, в которых поставлены по два коленапреклоненных ангела. Они, склонив самопогруженные лики, простирают так свои руки, что между ними образуется треугольник, и

люди, которые удовлетворяются домашними божками. Говорят, например, что есть секта, члены которой сверлят в углу своей избы дыру и молятся в нее, говоря: "Изба моя, дыра моя – спаси меня". Но сколько самодовольной и ограниченной самовлюбленности потребно, чтобы удовлетвориться "своей дырой". Нет, храм вселенский потребен для души смиренной и ненасытной в стремлении к истине»²⁴.

В третьей части своего текста Н.А. Энгельгардт не просто излагал содержание книги Вл.С. Соловьева, но и прописывал, вероятно, наиболее существенный ее тезис, который позволял разрешить содержащийся в книге парадокс между утверждением автономии морали от позитивной религии во введении и последующим указанием, в частности, в четвертой главе на обусловленность различных направлений этики наличием высшего смысла бытия, полагаемого религией. Согласно изложению Энгельгардта, «безусловное достоинство человеческой личности», утверждаемое автономной, то есть, по существу, кан-

кажется, что они держат нечто треугольное, но невидимое. Триада в монаде – Троица во единстве. Есть нечто и нет ровно ничего. Владимир Сергеевич становился на колени, молился и, вложив свою прекрасную голову с седыми кудрями в это таинственное «нечто», поддерживаемое за углы и вершину ангелами, исповедовался им» (см.: Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни (Воспоминания) / публ. С.В. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. Т. 24. С. 30–31).

²⁴ Энгельгардт Н.А. Проповедь отрезвления (продолжение) // Неделя. 1897. № 7. 16-е февраля. Ст. 211–212. Посмотрим, как эта история с поклонниками «дыры» звучит в изложении Вл. Соловьева: «Много лет тому назад прочел я известие о новой религии, возникшей где-то в восточных губерниях. Эта религия, последователи которой назывались *вертидырниками* или *дыромольями*, состояла в том, что, просверлив в каком-нибудь темном углу в стене избы дыру средней величины, эти люди прикладывали к ней губы и много раз настойчиво повторяли: "Изба моя, дыра моя, спаси меня!" Никогда еще, кажется, предмет богочитания не достигал такой крайней степени упрощения. Но если обоготворение обыкновенной крестьянской избы и простого, человеческими руками сделанного отверстия в ее стене есть явное заблуждение, то должно сказать, что это было заблуждение правдивое: эти люди дико безумствовали, но никого не вводили в заблуждение; про избу они так и говорили: *изба*, и место, просверленное в ее стене, справедливо называли *дырой*. Но религия дыромольев скоро испытала "эволюцию" и подверглась "трансформации". И в новом своем виде она сохранила прежнюю слабость религиозной мысли и узость философских интересов, прежний приземистый реализм, но утратила прежнюю правдивость: своя изба получила теперь название "царства Божия на земле", а дыра стала называться "новым евангелием", и, что всего хуже, различие между этим мнимым евангелием и настоящим, различие совершенно такое же, как между просверленной в бревне дырой и живым и целым деревом, – это существенное различие новые евангелисты всячески старались и замолчать и заговорить» (см.: Соловьев Вл.С. Собрание сочинений. Т. 10. СПб.: Просвещение, 1914. С. 83–84 [13]). Нельзя исключить, что этой замаскированной отсылкой к отклику Н.А. Энгельгардта Вл. Соловьев полемически указывал на то, что «дыромольями» в своем роде могут считаться не только и не столько нравственные индивидуалисты, на принадлежность к которым Вл. Соловьева намекал автор «Проповеди отрезвления», но в первую очередь религиозно ориентированные народники, в том числе и симпатизировавший Толстому Энгельгардт. Мы рискуем выдвинуть гипотезу, что в этом интересном интертексте обнаруживаются следы полемики двух приятелей. Энгельгардт намекал, что к «дыромольям» невольно тяготеет Вл. Соловьев, который предпочел народной – имплицитно толстовской – вере свою личную «молельню» – «дыру», Вл. Соловьев в ответ называл «дырой» предмет веры самого толстовства.

тианской этикой, «требуется победы не только над косной материей и свирепой животностью, но и над смертью. Абсолютное достоинство человеческой личности требует бессмертия, воскресения, вечной жизни. <...> Идея воскресения венчает все здание идеалов, воздвигнутое разумом на этой общепризнанной основе. Человек *должен* победить смерть, так как он *цель*, а не средство. И человек смерть *победил*»²⁵. Поскольку торжество добра над смертью вытекает из самой разумно понятой идеи «добра», это означает, что «разум требует, чтобы явился Богочеловек, умер и воскрес, тем доказал торжество духа над мертвой материей и косной животностью. И история отвечает разуму: Да, Богочеловек пришел в мир, жил в нем, страдал и воскрес, и достовернейшие свидетели-очевидцы возвестили это человечеству – достовернейшие, ибо они проповедовали истину и безусловную нравственность, были лучшими людьми человечества»²⁶. Энгельгардт очень точно улавливает основной пафос религиозной этики Вл. Соловьева – автономная от религии нравственная философия постулирует необходимость победы над смертью, история неопровержимо свидетельствует о состоявшемся факте воскрешения из мертвых и тем самым «оправдывает» этику, подтверждая осмысленность и осуществимость ее верховных постулатов. Отметим, что подобную пронизательность при изложении религиозных аспектов нравственной философии Вл. Соловьева, кроме обозревателя «Недели», не проявил ни один другой критик, из чего можно заключить, что рецензия Н.А. Энгельгардта, во всяком случае в ее финальной части, создавалась в тесном взаимодействии с Вл. Соловьевым²⁷.

²⁵ См.: Энгельгардт Н.А. Проповедь отречения (окончание). Ст. 242.

²⁶ Там же. Ст. 242.

²⁷ В апреле 1897 года после ссоры с В.П. Гайдебуровым, обусловленной финансовыми разногласиями, Н.А. Энгельгардт покидает ряды сотрудников «Недели» и становится автором «Нового времени». Примечательно, что первое его высказывание о Вл. Соловьеве на страницах «Нового времени» было довольно критическим, если не сказать грубым. Откликаясь на полемику между Вл. Соловьевым и А.А. Киреевым, которая велась на страницах «Нового времени» и «Русского обозрения» и касалась различных вариантов «унии» между православием и Римом, писатель выражал сомнение в том, что точка зрения Вл. Соловьева, как и его оппонента, по этому поводу может иметь какое-либо значение для народа: «... господа, какое же кому дело до того, желаете ли вы или не желаете, и какой желаете или не желаете унии? Что до ваших желаний и нежеланий великим церквам? Что до вашей унии миллионам? Желают ли этой унии миллионы? Они не знают даже о вашем существовании. Почтенная личность и публицистическая деятельность ваша известны лишь ничтожной горсти, глаголемой “интеллигенция”, более чем равнодушной ко всякой “унии”. Почему так настаивает г. Киреев на том, чтобы г. Соловьев заявил в “Новом времени”, желает он или не желает унии? Мне кажется, что заявления эти столь же важны, как если бы я заявил о своем желании или нежелании, чтобы ныне освободившийся от лесов петербургский Исаакиевский собор сошел с своего фундамента и на всех своих колоннах отправился в гости к римскому собору Петра и Павла...» (см.: Энгельгардт Н.А. Из дневника // Новое время. 1897. 22 мая (3 июня). № 7626. С. 3 [14]). Не исключено, что отсылка к «Исаакию» как «твердые православия» (используем троп из знаменитого стихотворения будущего зятя автора заметки, поэта Н.С. Гумилева) также содержит понятный только Вл. Соловьеву намек на дискуссии с Н.А. Эн-

Другой, вероятно согласованной с самим Вл. Соловьевым рецензией на «Оправдание добра» был восторженный отклик его петербургского друга, сотрудника Императорской публичной библиотеки Э.Л. Радлова, который приобрел к тому времени известность как переводчик «Этики» Аристотеля. За один 1897 год Радлов опубликовал сразу две рецензии, посвященные новому труду Вл. Соловьева. Ранняя появилась, как мы предполагаем, с подачи самого Вл. Соловьева, в мартовском выпуске Ежемесячных литературных приложений к «Ниве» (где Вл. Соловьев поместил в течение 1895–1896 годов ряд стихотворений и статей, включая «Смысл войны», вошедший в первую редакцию ОД в качестве 15 главы) под броским заглавием «Смысл жизни – в единении с добром». Более поздняя рецензия Э.Л. Радлова вышла в свет без заглавия в критико-библиографическом отделе Журнала Министерства народного просвещения в ноябре 1897 года. Отметим, что Радлов был одним из немногих друзей Вл. Соловьева, кто позитивно и практически без критических оговорок принял его новый труд: искренность его положительных высказываний о книге в 1897 году можно подтвердить неизменно высокими оценками нравственной философии Вл. Соловьева в последующих работах исследователя. Радлов считал «Оправдание добра» «наиболее цельным и ценным произведением» мыслителя, в котором тот попытался дать «положительное обоснование этических начал»²⁸. Тем самым Радлов превозносил «Оправдание добра» над сугубо «предварительной» «Критикой отвлеченных начал», в которой, как считал ученый, Вл. Соловьев лишь устранял неправомерные «притязания частных принципов, владеющих сознанием большинства современных людей»²⁹.

Э.Л. Радлов поставил «Оправдание добра» выше всех других, более ранних сочинений мыслителя уже в своем первом отклике на эту книгу³⁰, который появился в марте 1897 года³¹. При чтении философских работ Вл. Соловьева 1870-х годов, по мнению Радлова, могло складываться впечатление, что философ

гельгардтом о народной, официальной и личной вере, которые, судя по воспоминаниям писателя, происходили у друзей под сенью величественного петербургского собора.

²⁸ См.: Радлов Э.Л. Владимир Сергеевич Соловьев (некролог) // ЖМНП. 1900. № 9. С. 41 [15].

²⁹ Там же. С. 35.

³⁰ См.: Радлов Э.Л. Смысл жизни – в единении с добром. По поводу новой книги Влад.С. Соловьева «Оправдание добра. Нравственная философия» // Ежемесячные литературные приложения к «Ниве». 1897. № 3. Март. Ст. 614–626. ЦД: 4 марта 1897 г. [16] Отметим, что номер, где вышла в свет рецензия Э.Л. Радлова, был последним, на котором стояла фамилия А.А. Тихонова (Лугового) как редактора издания. Затем некоторое время номера «за редактора» подписывал издатель А.Ф. Маркс.

³¹ По мнению Радлова, новое сочинение Вл. Соловьева «ясно доказывает, что философское дарование Вл. Соловьева в те долгие годы, когда он занимался публицистической деятельностью не только не исчезло, а, напротив, возросло. «Оправдание добра» не только выдерживает полное сравнение с предшествующими трудами Вл. Соловьева, но зрелостью мысли, изяществом композиции, глубиной анализа даже превосходит их» (см.: Радлов Э.Л. Смысл жизни – в единении с добром. Ст. 625).

«более заботится о стройности целого, о гармонии частей, чем об аналитическом обосновании отдельных мыслей», тогда как труд по нравственной философии выдает, в том числе, и «аналитическую способность» философа, которую Э.Л. Радлов определяет как «умение видеть и отметить то, что на глазах у всех, но особенности чего от всех ускользают»³². Очевидно, что в данном случае Радлов имеет в виду в первую очередь концептуализацию идеи стыда и других нравственных чувств человека. «Страницы, посвященные анализу стыда, сожаления и благоговения», по мнению Э.Л. Радлова, «принадлежат к лучшим в “Оправдании добра”». Идею стыда как первого и важнейшего признака человечности Радлов считал наиболее интересной в нравственной философии Вл. Соловьева, и он даже выражал пожелание «проследить в особом историческом исследовании за постепенным ростом чувства стыда в человечестве, подобно тому как это сделали по отношению к чувству природы Бизе и Лапрад»³³.

Э.Л. Радлов отмечал также стройность и простоту замысла Вл. Соловьева, логичную взаимосвязанность различных частей его работы, а также мастерство его языка. К достоинствам книги он относил отсутствие лишних ссылок и цитат, то есть «так наз. ученого аппарата, который часто есть не что иное, как ученый балласт»³⁴. Отдельно Э.Л. Радлов касался двух глав, которые вызвали сильное волнение в печати и на которые с разных стороны посыпались «упреки», по мнению рецензента «не вполне заслуженные»³⁵. Речь идет о главах 13 и 15 первой книжной редакции, то есть о «Смысле войны» и «Экономическом вопросе с нравственной точки зрения». В отличие от Н.Я. Грота, не одобрявшего включение «Смысла войны» в состав книги, Э.Л. Радлов пытался оправдать решение автора. Критик полагал, что Вл. Соловьев в этом вопросе был неправильно понят оппонентами: он не оправдывал войну как таковую, но лишь указывал на ее историческое, а отчасти и актуальное значение. Противники Вл. Соловьева не обратили внимание на те важные «оговорки и ограничения», которыми он сопроводил свою защиту войны, и поэтому не попытались вникнуть в смысл его слов³⁶. Но если на суждения Вл. Соловьева по поводу войны нападали в основном гуманисты левого толка, то его социально-политические воззрения были встречены в штыки теми авторами, кто упрекал философа в гуманистическом преисподушии, то есть в том, что, «благодаря его якобы незнакомству с экономической литературой», он «применяет гуманные идеи к таким сферам, в которых борьба является законом»³⁷. Сам же Радлов всецело принимал критику философом автономии экономической науки,

³² См.: Радлов Э.Л. Смысл жизни – в единении с добром. Ст. 614–615.

³³ Там же. Ст. 616, 618.

³⁴ Там же. Ст. 621.

³⁵ Там же. Ст. 621.

³⁶ Там же. Ст. 622.

³⁷ Там же. Ст. 623. Э.Л. Радлов имеет в виду возражения марксистов и сторонников либеральных взглядов, единых в своем стремлении отделить экономику от нравственных регуляторов.

разделяя и отрицание Вл. Соловьевым существования «самостоятельных экономических законов», подобных законам физическим: «понятие закона, которым пользуется и естествоиспытатель, и юрист, и историк, и, наконец, экономист, имеет различное значение и неодинаковые признаки, и это необходимо выяснить»³⁸.

В заключении своего первого отклика Э.Л. Радлов, отмечая общий оптимистический пафос соловьевской книги, несколько восторженно называл ее «песнью торжествующего добра»³⁹. Иронически обыгрывая фразу Н.Н. Страхова из предисловия к «Дарвинизму» Н.Я. Данилевского: «Об этой книге нужно кричать на площадях и проповедовать с крыш», Радлов выражал уверенность, что «наше общество и без столь радикальных мер, противоречащих нашим климатическим условиям и уставу о предупреждении и пресечении преступлений, будет читать и наслаждаться сочинением, которым русская философская литература может с полным правом гордиться»⁴⁰.

В ноябрьской рецензии⁴¹ Э.Л. Радлов, уже имевший возможность убедиться в довольно прохладном приеме «Оправдания добра» в русском обществе, высказывал явное сожаление по поводу отсутствия серьезных откликов на книгу, которые бы учитывали ее общий смысл, «дух всего произведения», а не придирались бы к частностям, нападая на «отдельные мысли и главы сочинения»⁴². Рецензент снова упомянул «подвергшуюся несправедливой критике» главу «о смысле войны», которую он в этот раз назвал просто «интересной». Тем не менее Э.Л. Радлов, в противоречие с собственными словами и отчасти, возможно, в утешение своему другу, завершал свой обзор несколько парадоксальным утверждением, что «книга Вл. Соловьева имеет успех в обществе, о ней не только пишут; ее читают и о ней много говорят»⁴³.

Э.Л. Радлов видел главную особенность системы нравственной философии Вл. Соловьева в ее тесной связи с религией. По мнению рецензента, по этой причине она не может быть ограничена анализом субъективных предпочтений человека и требует обоснования гносеологией и метафизикой, что подчеркивал и сам Вл. Соловьев, в первую очередь в заключении к своему сочинению⁴⁴. Э.Л. Радлов полагал, что автономия этики, утверждаемая Вл. Соловьевым во введении к своему труду, означает независимость «рассуждений о явлениях нравственной жизни», то есть нравственной философии, от той или

³⁸ См.: Радлов Э.Л. Смысл жизни – в единении с добром. Ст. 624.

³⁹ Там же. Ст. 625.

⁴⁰ Там же. Ст. 626.

⁴¹ См.: Радлов Э.Л. <Владимир Соловьев. Оправдание добра. Нравственная философия. СПб., 1897 г.> – Критика и библиография // ЖМНП. 1897. №. 11. С. 233–243 [17].

⁴² Там же. С. 243.

⁴³ Там же. С. 243.

⁴⁴ Там же. С. 236.

иной положительной религии, но не от «религиозных положений вообще»⁴⁵. Постановку Вл. Соловьёвым вопроса о свободе воли Э.Л. Радлов расценивал как «оригинальную», его рассуждения на эти темы «интересными и остроумными», при этом в том, что философ усматривал подлинную свободу воли в выборе зла, а выбор добра связывал с воздействием высшей силы, критик видел проекцию именно религиозной установки: «Бог, или совершенное добро, может определить человека к добру, но как приписать Богу определение человека ко злу?»⁴⁶.

Э.Л. Радлов снова высоко оценил концепцию стыда, характеризуя ее «вполне оригинальной мыслью» философа, «которую мы ранее не встречали в сочинениях, трактующих об этом»⁴⁷. Рецензент подчеркнул также тесную взаимосвязь этики и истории в нравственной философии Вл. Соловьёва, обнаружив неожиданное сходство идеалистической, но вместе с тем эволюционистской концепцией морали в «Оправдании добра» с положениями материалистической и релятивистской этики Ш. Летурно, автора «Эволюции морали». Конечно, Радлов принимал во внимание различие между идеями эволюционистов, связывающих развитие морали лишь с условиями человеческой жизни, и концепцией «абсолютной нравственности», прозревающей «идеальную цель развития человечества»⁴⁸. Однако Радлов не мог скрыть, хотя писал об этом чрезвычайно обтекаемо, что историцизм, то есть представление об эволюции нравственности, ее исторической изменчивости, сложно сочетать с убеждением, что христианство содержит в себе безусловную истину. Радлов как будто побуждал Вл. Соловьёва к выводу о необходимости признать наличие в историческом христианстве «временных элементов», исчезновение которых могло бы способствовать проявлению сущности его учения «в большой чистоте»⁴⁹. Вместе с тем он ставил Вл. Соловьёву в заслугу полемику с «ходячими современными теориями, имеющими опору в высоком авторитете лиц, их выставивших, и в подкупающей простоте самого учения»⁵⁰. Речь шла, разумеется, о теории непротивления злу Л. Толстого, отрицательное отношение к которой Радлов, по-видимому, разделял. Готовность поддержать Вл. Соловьёва в жесткой полемике с учением Л.Н. Толстого выделяла Радлова из череды всех других его личных друзей, кто выступил с положительными откликами на «Оправдание добра» в самом начале 1897 года, то есть Н.Я. Грота и Н.А. Энгельгардта.

⁴⁵ См.: Радлов Э.Л. <Владимир Соловьёв. Оправдание добра. С. 237.

⁴⁶ Там же. С. 236–237.

⁴⁷ Там же. С. 239.

⁴⁸ Там же. С. 240.

⁴⁹ Радлов пишет, что не считает себя в праве «в данном месте» подвергать подробному рассмотрению взгляды Вл. Соловьёва на возможную эволюцию христианского учения, замечая только, что эти взгляды «известны читающей публике» из сочинения «История и будущность теократии» (Там же. С. 241).

⁵⁰ Там же. С. 242.

Отметим, что все эти сочувственные рецензии (за исключением рецензии в ЖМНП) появились в близких Вл. Соловьёву изданиях, с которыми он тесно сотрудничал в эти годы: «Вопросах философии и психологии», «Неделе», Литературных приложениях к «Ниве». Вероятно, философ рассчитывал также на доброжелательный отклик еще одного своего приятеля – обозревателя «Нового времени» С.Н. Сыромятникова (Сигмы), который в 1895 году сочувственно отозвался на «Смысл войны». Однако в начале 1897 года Сыромятников покинул ряды сотрудников газеты и на короткое время стал редактором русского отдела международного журнала *Cosmopolis*, выходившего сразу на нескольких европейских языках и публиковавшегося в столицах Европы. С 1897 года журнал с русским отделом начал также издаваться и в Санкт-Петербурге. В апрельской книжке *Cosmopolis* появилась довольно развернутая рецензия на «Оправдание добра» близкого приятеля Сыромятникова, поэта и переводчика Шопенгауэра, работника столичного цензурного комитета Н.М. Соколова. Как следует из письма С.Н. Сыромятникова Вл. Соловьёву от 24 января 1897 года, Н.М. Соколов начал работать над статьей об «Оправдании добра» еще в январе, рассчитывая опубликовать ее в мартовском номере журнала. Сыромятников писал Вл. Соловьёву: «Я узнал, дорогой Владимир Сергеевич, что сегодня выходит Ваша книга. Цензор Николай Соколов восторженно об ней отзывался, как о первой русской философской системе. Он обещал мне для мартовской книжечки *Cosmopolisa*, столь поносимого в Новостях, статью о Вас в два печатных листа. Я сказал ему, что (напечатаю – зачеркнуто) предоставлю ему охотно целый лист, то есть $\frac{1}{4}$ всего размера моего журнала»⁵¹.

Между тем содержание вышедшей в апрельском номере журнала *Cosmopolis* статьи Н.М. Соколова «Нравственная философия Вл. Соловьёва»⁵² отнюдь не подтверждало сообщения Сыромятникова о «восторженном» отношении критика к труду Вл. Соловьёва и особенно тот факт, что предполагаемый рецензент видел в нравственной метафизике Вл. Соловьёва «первую русскую философскую систему»⁵³. Но как раз именно в *системности* Н.М. Соколов и отказывал концепции «Оправдания добра». Соколов признавал за трудом Вл. Соловьёва такие редкие, по его мнению, достоинства, как «серьезность мысли, логичность и систематичность изложения»⁵⁴. Он усматривал превосходство труда Вл. Соловьёва над модными течениями толстовства, экономиче-

⁵¹ РНБ. Ф. 718. Ед. хр. 75. Цит. по: «Если будете перепечатывать письма Вл. Сер. Соловьёва...» (Вл. Соловьёв. С.Н. Сыромятников, Э.Л. Радлов, Ю.Н. Данзас и др.) / публ., вступ. ст. и коммент. Е.А. Тахо-Годи // Владимир Соловьёв и культура Серебряного века. М.: Наука, 2005. С. 473.

⁵² См.: Соколов Н.М. Нравственная философия Вл. Соловьёва // *Cosmopolis*. СПб., 1897. № 4. С. 40–59 [18].

⁵³ Нельзя, конечно, исключить тот факт, что Н.М. Соколов, познакомившийся с книгой в целом после ее выхода из печати, мог изменить свою прежнюю точку зрения, которая сложилась в результате знакомства с отдельными статьями Вл. Соловьёва по нравственной философии.

⁵⁴ См.: Соколов Н.М. Нравственная философия Вл. Соловьёва. С. 40.

ского материализма и нищезанятия в его разумном консерватизме, в том, что автор «Оправдания» «в истории ищет данных для понимания философии истории», что он «в прошлом находит указания на задачи настоящего и будущего»⁵⁵. Н.М. Соколов даже называл нравственную философию Вл. Соловьёва «одной из первых (в известном смысле даже первой) попыток ответить на некоторые вопросы морали, применительно к главным течениям *русского* сознания»⁵⁶. И вместе с тем после обстоятельного изложения второй части «Оправдания добра», тех глав, в которых содержится приложение этической проблематики к актуальным общественным вопросам, Н.М. Соколов приходил к неутешительному для автора выводу, что «в данном случае мы имеем дело не с законченной философскою системою в том смысле, как ее понимали, например, выдающиеся немецкие философы»⁵⁷. Рецензент не обнаруживал в этой книге «того систематического единства, о котором говорит Кант; основные положения этой философии не сведены, как это требует метод строго логического мышления, к наименьшему количеству принципов; а те принципы, на основе которых создается эта система, в логическом отношении далеко не однородны»⁵⁸. Соколов писал, что Вл. Соловьёв, наряду с принципами и методом трансцендентальной философии, признает эволюцию и обращается к аргументам из арсенала позитивизма. Эмпирические основоположения системы автора «Мира как воли и представления» философ, по мнению рецензента *Cosmopolis*, совмещает с формальной этикой долга, не входя в принципиальное обсуждение разногласий между Кантом и Шопенгауэром по этому вопросу.

Подобные упреки Вл. Соловьёв мог бы легко отвести отсылкой критика к «Критике отвлеченных начал», в своей этической части в значительной степени посвященной сравнительному разбору систем Канта и Шопенгауэра. Однако другое критическое замечание Соколова было более основательно. Дело в том, что на страницах «Оправдания добра» мы встречаем множество отсылок к метафизике и «мистической эстетике», которые только еще предстояло написать мыслителю, но знание которых он сам считал необходимым для «полного понимания» тех или иных аспектов своей нравственной философии. Н.М. Соколов обращал внимание на то, что «конечные цели в историческом процессе нравственного совершенствования» у Вл. Соловьёва «недостаточно определены и ясны»⁵⁹. По его мнению, «Царствие Божие», «откровение славы сынов Божиих», «единение праотцев с отдаленнейшими генерациями в нравственном прогрессе, под условием которого только и возможно воскресение, – все это смутные и неотчетливые понятия, которые в себе самих отнюдь не носят при-

⁵⁵ См.: Соколов Н.М. Нравственная философия Вл. Соловьёва. С. 43–44.

⁵⁶ Там же. С. 44.

⁵⁷ Там же. С. 53.

⁵⁸ Там же. С. 54.

⁵⁹ Там же. С. 55–56.

знаков логической обязательности»⁶⁰. Что касается «мистической эстетики», на которую периодически ссылался автор «Оправдания добра», то Н.М. Соколов предпочитал видеть в ней «нечто очень фантастическое и произвольное», по крайней мере до тех пор, пока Вл. Соловьев «не создаст этой науки на почве данных и доказательств, имеющих обязательное значение для всех». Таким образом, мистический и даже магический флер, которым Вл. Соловьев окутал свою нравственную философию, по мнению критика, лишал ее права считаться «законченной системой этики»⁶¹.

Н.М. Соколов метко подмечал еще одно уязвимое место соловьевской нравственной философии: отсутствие внятного ответа на вопрос о возможности нравственного совершенствования человека, «интеллигибельный характер которого определяется в пределах эгоизма и своекорыстия»⁶². Действительно, отделяя вопрос о свободе воли от проблемы характера человека, Вл. Соловьев просто оставлял проблему возможного исправления прирожденного эгоиста за рамками рассмотрения в «Оправдании добра».

В целом Н.М. Соколов высоко оценивал «Оправдание добра» как острый полемический выпад против односторонних и отрицательных идейных течений в русском обществе, как яркое публицистическое высказывание. Самого Вл. Соловьева рецензент характеризовал как «вполне законченную, своеобразную и достаточно оригинальную личность», называя его при этом «эклектиком в области принципов философской мысли»⁶³. По мнению критика, тот факт, что Вл. Соловьев стоит на почве истории и традиции в его полемике с экономическими материалистами и ницшеанцами, делает его «одним из самых серьезных, убежденных и сознательных поборников лучших заветов разумного и просвещенного консерватизма»⁶⁴. В заключение Н.М. Соколов выражал надежду на аргументированный ответ Вл. Соловьеву со стороны его философских противников⁶⁵. Так что отклик Н.М. Соколова можно с некоторыми оговорками отнести к положительным или во всяком случае к сочувственным.

Список литературы

1. Соловьев В.С. Письма к А.А. Луговому // Письма Владимира Сергеевича Соловьева / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 2. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1909. С. 299–312.
2. Письма Вл. Соловьева А.А. Луговому // ИРЛИ. Ф. 367 (А.А. Лугового). Ед. Хр. 7317. Л. 1-22.

⁶⁰ См.: Соколов Н.М. Нравственная философия Вл. Соловьева. С. 56.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 56-57.

⁶³ Там же. С. 57.

⁶⁴ Там же. С. 58.

⁶⁵ Там же. С. 59.

3. «Если будете перепечатывать письма Вл. Сер. Соловьёва...» (Вл. Соловьёв. С.Н. Сыромятников, Э.Л. Радлов, Ю.Н. Данзас и др.) / публ., вступ. ст. и коммент. Е.А. Тахо-Годи // Владимир Соловьёв и культура Серебряного века. М.: Наука, 2005. С. 466–506.
4. Соловьёв В.С. Письма к Евг. Тавернье // Письма Владимира Сергеевича Соловьёва / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 4. Пб.: Время, 1923. С. 183–228.
5. Соловьёв В.С. Значение государства // Вестник Европы. 1895. № 12. С. 803–814.
6. Межуев Б.В. «Значение государства» – византийская идея на страницах либерального журнала // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 3(67). С. 10–25.
7. Соловьёв В.С. Письмо в редакцию // Новое время. 1897, 18 (30) мая. № 7622. С. 3.
8. Медоваров М.В. Poleмика Владимира Соловьёва и Александра Киреева о соединении церквей в 1897 году: хронология, контекст, источники // Соловьёвские исследования. 2021. Вып. 3(71). С. 22–63.
9. Грот Н.Я. Владимир Соловьёв. Оправдание добра. Нравственная философия. СПб., 1897 г. Обзор книг – Критика и библиография // ВФП. 1897. Кн. 1 (36), январь-февраль. С. 155–160.
10. Энгельгардт Н.А. Проповедь отречения (Оправдание добра. Нравственная философия Владимира Соловьёва. СПб., 1897) // Неделя. 1897. № 6, 9-е февраля. Ст. 182–185; № 7, 16 февраля. Ст. 211–215; № 8, 22-е февраля. Ст. 239–243.
11. Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни. (Воспоминания) / публ. С.В. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. Т. 24. СПб.: Изд-во «Феникс», 1998. С. 7–119.
12. Энгельгардт Н.А. Философия русского самосознания. Статья III // Книжки Недели. 1897. № 3, март. С. 200–275.
13. Соловьёв Вл.С. Три разговора // Соловьёв Вл.С. Собрание сочинений. Т. 10. СПб.: Просвещение, 1914. С. 83–84.
14. Энгельгардт Н.А. Из дневника // Новое время. 1897, 22 мая (3 июня). № 7626. С. 3.
15. Радлов Э.Л. Владимир Сергеевич Соловьёв (некролог) // ЖМНП. 1900. № 9. Современная летопись. С. 33–44.
16. Радлов Э.Л. Смысл жизни – в единении с добром. По поводу новой книги Влад.С. Соловьёва «Оправдание добра. Нравственная философия» // Ежемесячные литературные приложения к «Ниве». 1897. № 3, март. Ст. 614–626.
17. Радлов Э.Л. <Владимир Соловьёв. Оправдание добра. Нравственная философия. СПб., 1897 г.> – Критика и библиография // ЖМНП. 1897. № 11. С. 233–243.
18. Соколов Н.М. Нравственная философия Вл. Соловьёва // Cosmopolis. СПб., 1897. № 4. С. 40–59.

References

(Sources)

Collected Works

1. Radlov, E.L. *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 3 t., t. 2* [Letters of Vladimir Sergeevich Solovyov in 3 vol., vol. 2]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1909, VIII. 368 p.
1. Solov'ev, V.S. *Pis'ma Evgeniyu Tavern'e. Mai-juin 1896* [Letters to Eugeny Tavernier. May/June 1896], in Solov'ev, V.S. *Pis'ma. T. IV* [Letters. Vol. 4]. Peterburg: Izdatel'stvo «Vremya», 1923, pp. 183–228.
2. Solov'ev, V.S. *Tri razgovora* [Three conversations], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 10* [The complete works in 10 vol., vol. 10]. Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1914, pp. 81–221.
3. Solov'ev, V.S. *Pis'ma Vl.S. Solov'eva A.A. Lugovomu* [Letters from Vladimir Solovyov to Akexei Lugovoi], in *IRLI*. C. 367. F. 7317. L. 1–22.

Individual works

4. Grot, N.Ya. Rezensia na knigu Vl.S. Solov'eva «Opravdanie dobra» [Review of Vl.S. Solovyov's Book "The Justification of Good"], in *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1897, January-February, book 36(1), pp. 155–160 (2-ya paginatsiya).

5. Engel'gardt, N.A. Epizody moyey zhizni (Vospominaniya) [Fragments of My Life (Memoires)], in *Minuvshee. Istoricheskiy al'manakh*, vol. 24. Saint-Petersburg: Feniks, 1998, pp. 7–119.

6. Engel'gardt, N.A. Iz dnevnika [From the Diary], in *Novoe vremya*, 1897, 22 May (3 June), no. 7626, p. 3.

7. Engel'gardt, N.A. Filosofiya russkogo samosoznaniya. Stat'ya III [Philosophy of Russian Self-awareness. Article 3], in *Knizhki Nedeli*, March 1897, no. 3, pp. 200–275.

8. Engel'gardt, N.A. Propoved' otrezvleniya [The Sermon of Sobering up], in *Novoe vremya*, 1897, 22 May (3 June), no. 7626, p. 3.

9. Radlov, E.L. Vladimir Sergeevich Solov'ev (Nekrolog) [Vladimir Sergeevich Solovyov (Obituary)], in *ZhMNP*, 1900, no. 9, pp. 33–44.

10. Radlov, E.L. <Vladimir Solov'ev. Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya. SPb., 1897> – Kritika i bibliografiya [Critics and bibliography], in *ZhMNP*, 1897, no. 11, pp. 233–243.

11. Radlov, E.L. Smysl zhizni – v edinenii s dobrom [The Meaning of Life – in Unification with the Good], in *Ezhemesyachnye literaturnye prilozheniya k «Nive»*, 1897, no. 3, March, columns. 614–626.

12. Sokolov, N.M. Nравstvennaya filosofiya Vl. Solov'eva [Moral philosophy of Vl. Solovyov], in *Cosmopolis*, 1897, no. 4, pp. 40–59.

13. Solov'ev, V.S. Pis'mo v redaktsiyu [A Letter to the Editor Board], in *Novoe vremya*, 1897, 18(30) May, no. 7622, p. 3.

14. Solov'ev, V.S. Znachenie gosudarstva [The Meaning of State], in *Vestnik Evropy*, 1895, no. 12, pp. 803–814.

(Articles from Scientific Journals)

15. Medovarov, M.V. Polemika Vladimira Solov'eva i Aleksandra Kireeva o soedinenii tserkvey v 1897 godu: khronologiya, kontekst, istochniki [The Dispute between Vladimir Solovyov and Alexander Kireev about the Union of Churches in 1897: Chronology, Context, Sources], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2021, issue 3(67), pp. 10–25.

16. Mezhuев, B.V. «Znachenie gosudarstva» – vizantiyskaya ideya na stranitsakh liberal'nogo zhurnala [“The Meaning of State” – the Byzantine Idea on the Pages of the Liberal Journal], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2020, issue 3(67), pp. 10–25.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

17. «Esli budete perepechatyvat'pisma Vl. Serg. Solov'eva...» (Vl.S. Solov'ev, S.N. Syromyatnikov, E.L. Radlov, Yu.N. Danzas i dr.). [“If you republish the letters by Vl.S. Solovyov...” (Vl.S. Solovyov, S.N. Syromyatnikov, E.L. Radlov, Yu.N. Danzas and others)], in *Vladimir Solov'ev i kul'tura Serebryanogo veka* [Vladimir Solovyov and the Culture of the Silver Age]. Moscow: Nauka, 2005, pp. 466–506.